

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ КОНККА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
konkka49@mail.ru

ЖЕРТВЕННЫЕ И ПОЧИТАЕМЫЕ ДЕРЕВЬЯ КАРЕЛО-ФИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (по материалам конца XIX века)

А н н о т а ц и я . Почитаемые деревья и деревья, которым приносят жертвы, известны с глубокой древности у разных народов. Древнейшие «святые места» выглядели как ландшафт из камней, воды (то есть источника, ручья или берега водоема) и деревьев. Со времен Средневековья на берегах Финского залива у финнов и эстонцев были известны жертвенные рощи хийси. Это были огороженные участки леса, в которых происходили общественные жертвоприношения. Исследователи придерживаются того мнения, что хийси были центрами поселенческих комплексов. Уно Холмберг-Харва допускает мысль, что единичные почитаемые деревья у домов, сохранившиеся вплоть до XX века, суть остатки древних рощ наподобие хийси. Заметим, что этот вопрос до настоящего времени остается дискуссионным, поэтому одной из задач данной статьи является введение в научный оборот (в особенности для русскоязычного читателя) имеющихся материалов по данной тематике. В карельских деревнях на границе России и Финляндии еще во второй половине XIX века имелись жертвенные ели, от состояния которых зависели благополучие, здоровье и жизнь членов семьи и рода. Поэтому деревьям следовало жертвовать (относить к корням) частицу всего, что появлялось в доме съестного, а также потчевать духа-хозяина дерева угощением с праздничного стола. Помимо елей в регионе были известны также жертвенные сосны, березы, рябины, можжевельники. Во многих местах им жертвовали первое молоко после отела коровы, выливали под корни первую кровь забитого осенью животного и приносили чашку мясного супа. Все это говорит об особой связи жертвенного дерева с домашним скотом. Главной функцией родового дерева была охранительная, которая касалась не только членов рода, но и всего хозяйства. Дерево выступало как представитель умерших родственников – предков рода, природных сил – духов леса и земли.

К л ю ч е в ы е с л о в а : жертвенные и почитаемые деревья, священные рощи, связь дерева с семьей и родом, предками и персонифицированными праздниками

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Конкка А. П. Жертвенные и почитаемые деревья карело-финского пограничья (по материалам конца XIX века) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 99–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1255

ВВЕДЕНИЕ

Обычно, когда заходит речь о священных рощах и почитаемых деревьях, говорят о сибирских, марийских или удмуртских рощах, иногда вспоминают средневековых авторов, упоминавших о почитаемых рощах германских народов. Однако подобные рощи и отдельные деревья относительно недавно еще стояли в западных приграничных районах Российской империи, в том числе в Карелии и Финляндии. Более того, некоторые из этих деревьев стоят и поныне.

В данной статье речь пойдет о карело-финском пограничье – территории вдоль старой российско-финской границы в Приладожье, а также более северных областях, то есть по большей части об историческом регионе сложения карельского этноса. Пограничье здесь понимается в широком смысле: представлен преимущественно неизвестный русскому читателю финноязычный материал в основном из пограничных приходов как на российской, так и финской стороне, которые ранее могли быть довольно большими.

К тому же следует заметить, что на южном отрезке государственной границы, в районе Приладожья, при наличии госграницы, этнической границы, а во многих местах и конфессиональной (по обе стороны границы проживали православные карелы) не существовало. В более северной части (мы не берем Лапландию) на финской стороне проживали в основном саволаксы – родственное карелам племя (на территории которого в свое время были отмечены даже православные монастыри), у которых, возможно, в силу отдаленности от центров, еще в XIX веке сохранялось много архаики, в том числе касающейся нашей темы.

Одной из проблем исследования данной тематики, инициировавших автора к написанию статьи, была проблема соотношения родовых священных рощ и отдельных почитаемых деревьев в плане их первичности-вторичности и функциональной составляющей, которая была поставлена еще в конце XIX века К. Хорнборгом на основе сведений о родовых деревьях и рощах саволаксов, называемых «карсикко», обсуждение статьи которого в той или иной степени продолжается до нашего времени (включая автора данной статьи на страницах журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» [5]) и начинает напоминать пресловутый спор о курице и яйце. В том числе поэтому (помимо, конечно, ценности самого материала о родовых деревьях и рощах) автор решил вынести на суд читателя подборку материала по теме, снабдив его некоторыми имеющимися в наличии историческими данными.

Примеры для данной подборки взяты из разных источников. Прежде всего это сведения, полученные из Фольклорно-этнографического архива Общества финской литературы (SKS), а также 35-томного собрания «Старых рун финского народа» (SKVR), в котором карельские материалы занимают несколько томов. Это и три тома SKMT – финской (и карельской) скотоводческой магии, представляющих собой сборник полевых записей, вышедший в 30-е годы прошлого века. Имеются несколько заимствований из трудов известных ученых, но также помещен обзор данных по нашей тематике в статьях научно-популярного характера, опубликованных в последней четверти XIX века в периодических изданиях Savonlinna, Uusi Suometar и Uusi Kuvalehti, известных своей этнографической направленностью.

Несмотря на огромную литературу по культу деревьев, историография данной конкретной темы (что первично – отдельное родовое дерево или роща) в отечественной литературе

практически отсутствует, так как отдельные почитаемые деревья, если они и были когда-нибудь связаны с конкретным родом, давно превратились в общественные заветные (примеры которых имеются также в данной статье) или были изначально таковыми. С родом или родовым объединением на наших восточных территориях (начиная с Поволжья) были связаны священные рощи, что наиболее ярко проявилось у марийцев и западносибирских народов. Начиная со второй половины XX века в работах отечественных этнографов стал выделяться блок данных об отдельных почитаемых деревьях, связанных с какими-то индивидуальными особенностями, выделяющими их из остального леса, деревьях священных рощ, деревьях на могилах исторических личностей, шаманов, колдунов и т. д. Из многочисленных примеров можно привести работы Е. А. Алексеенко по кетам (см. [2] и другие статьи этого сборника) и З. П. Соколовой по угорским народам [8]. Основная же литература последнего времени была связана с дендромифологией, изучающей мифологическую составляющую отдельных пород деревьев (если ограничиваться деревьями) в верованиях и их присутствии в обрядах в качестве ритуального символа. По славянским народам это легче всего проследить по словарю «Славянские древности» [7] и обобщающему труду Т. А. Агапкиной [1]. Но дендромифология – совершенно другая тема, не имеющая прямого отношения к данной статье, хотя материал здесь найдется и для нее.

* * *

Почитаемые деревья и деревья, которым приносят жертвы, известны с глубокой древности у разных народов. Древнейшие «святые места» выглядели как ландшафт из камней, воды (то есть источника, ручья или берега водоема) и деревьев. Священное место у многих народов, воспроизводя частичку естественного окружения, являлось своего рода микрокосмом.

Со времен Средневековья на берегах Финского залива у финнов и эстонцев были известны жертвенные рощи *хииси*. Это были находившиеся на возвышениях поросшие лесом огороженные участки земли, в которых происходили общественные жертвоприношения. Исследователи придерживаются того мнения, что *хииси* были центрами поселенческих комплексов, в которые входили укрепления, земледельческие площади, собственно поселения и кладбища. Этимологически данное слово, вероятно, связано с древнегерманским *Hizi* в значении ‘потусторонний мир’¹. Известный финский этнолог Уно Холмберг-Харва допускал мысль, что единич-

ные почитаемые деревья у домов, сохранившиеся вплоть до XX века, суть остатки древних рощ наподобие хийси (рис. 1).

Рис. 1. Жертвенная ель рода Киннуненов. Сяяминки, Южное Саво, Финляндия. Из книги Harva U. Suomalaisten muinaisusko. Helsinki, 1948. S. 300

Figure 1. The sacrificial fir-tree of the Kinnunen family. Sääminki, South Savo, Finland. From the book *Suomalaisten muinaisusko* by Uno Harva. Helsinki, 1948. P. 300

Как сообщают некоторые путешественники, в каждом доме в карельских деревнях на границе России и Финляндии еще во второй половине XIX века имелись *жертвенные ели*, от состояния которых зависели благополучие, здоровье и жизнь членов семьи и рода² [9: 47]. В этих местах большинство домов в поселениях стояли разрозненно и участки были большими. Деревья при этом не обязательно находились у самого дома, а могли быть у риги, бани или в отдалении на родовых землях – межах и сенокосах. Этим деревьям следовало жертвовать (относить к корням) частицу всего, что появлялось в доме съестного, а также потчевать духа-хозяина дерева в большие праздники угощением с праздничного стола. О домашних жертвенных елях рассказывали в деревне Кудамогуба Поросозерской волости Олонецкой Карелии так:

«Могли вырастить ель, вырастить ель во дворе (pihakuusi). Корни ее поливали водой, лили на корни мясную или рыбную похлебку и другую еду приносили»³.

Почитаемых деревьев касалось строгое табу: верили, что нанесение им вреда не может обойтись без тяжелых последствий для нарушителя векового запрета, а «преступление против дерева воспринималось как преступление против рода», пишет академик Мартти Хаавио [9: 55]. Если же по каким-то причинам временно не производились обусловленные традицией приношения дереву, то тогда приходилось уже приносить в жертву целое домашнее животное: относительно Палтамо (пограничная провинция Кайнуу) в архивных материалах Х. Мерилайнена имеется запись о том, что «лес спрячет» (*metsä peittaa*) скотину, если хозяйка перестанет приносить к почитаемому приусадебному дереву несколько капель молока от каждой утренней дойки. Если «хозяина земли» или «хозяина леса» таким образом рассердить, то он не успокоится без специальной жертвы. Тогда надо дать обещание принести в жертву какое-нибудь животное со двора на день старого Миккели (29 сентября, соответствует Покрову), кровь жертвы выпустить под корни дерева, а внутренности закопать под деревом в земле. Обещание это следует в точности исполнить, иначе двор ждет полное разорение [12: 97–98]. Таким образом, речь здесь идет, собственно, о заветном (обетном) дереве. Деревья под названием *заветные* известны на территории всего российского Севера. Правда, в России они, как правило, почитались всей общиной.

Уно Холмберг (Харва) замечает, что имеются данные о периодических осенних календарных жертвоприношениях деревьям, и приводит несколько примеров из Саво и финской Карелии о жертвоприношениях баранов и овец родовому дереву. Упоминает он и сведения из российской Беломорской Карелии, например из волости Тихтозеро, о «вечном обете», когда при строительстве дома дается обещание ежегодно на Покров приносить в жертву домовому овцу, которую варили и съедали целиком с приглашенными гостями. Кровь, внутренности, кости и остатки еды относили в тот же вечер после трапезы на жертвенное место дома, под родовое дерево. Известно также, что у дома могли в качестве жертвенной рощи оставить нетронутыми несколько деревьев, при этом давали обет никогда не трогать их под страхом смерти [10: 307].

«В доме Пеннанен (на юге финской Северной Карелии в Китее) Юрьев день считался праздником. Тогда нельзя было в доме греметь и говорить громко. Большую ель на меже поля у дороги тогда почитали и одаривали. К корням ели относили еду: пироги, масло, молоко, яйца и мясо. Если животное умирало посреди лета, то объ-

ясняли это тем, что Юрьев день отпраздновали не так, как положено»⁴.

Интересно, что родовое дерево могло быть «представителем» духа местности, которого следовало информировать об изменениях в количестве постоянных жильцов дома:

«Когда батрак или батрачка (в дер. Кимасозеро Беломорской Карелии) нанимаются в дом на работу, то остатки от первой трапезы (от каждого блюда) надо было отнести к корням жертвенного дерева, а также настрогать серебра от трех монет трех королей (монеты разного времени или трех разных государств. – А. К.)... то тогда дух земли (“хозяин земли”) будет знать, что это “свой” домоладцы и у них не будет тоски по прежнему месту обитания»⁵.

О домашних жертвенных деревьях имеются также записи с севера Олонецкой Карелии: когда в Муезере Ребольской волости отправлялись сеять, то из приготовленного для сева зерна мололи муку для каши и на завтрак варили так называемую *кашу сева* (*kylvöruuro*). Когда кашу попробовала вся семья, остатки ее относили к корням почитаемого (родового, жертвенного) дерева для Пеллервойнена (мифологический персонаж, засеявший в начале времен землю растительностью) и хозяев земли с заговором, в котором обращались к хозяйке земли с просьбой дать засеянной земле силу⁶.

Известны также случаи, когда приусадебные почитаемые деревья превращались в общественные: в Липери (провинция Северная Карелия) были зафиксированы общественные обряды жертвоприношений, когда жители всего поселения собирались у одного из таких деревьев. Подобным деревом была и Покровская ель в карельском приходе Суйстамо. В деревне Пюёриттая Суйстамского прихода Приладожской Карелии (рис. 2) на Покров под большую Покровскую ель на кладбище относили деньги, зерно и еду, веря, что Покров сохранит домашнее стадо. К тому же дереву болеющие женскими болезнями и страдающие бесплодием женщины привязывали ленты из своих волос, говоря: «Освободи, святой Покров, меня от этого недуга»⁷ [12: 295–296]. Священными рощами можно назвать, отмечает Юлиус Крон, и те старинные кладбища, которые сохранили современные поколения от ушедшего в Россию (тверские, новгородские и прочие группы карел) в XVI веке карельского населения после присоединения к Швеции Корельского уезда. Таковыми были, к примеру, Русский и Ольховый ельники в Соанлахти (на берегу озера Янисъярви, ныне в Суоярвском районе Республики Карелия). Посредине первой рощи была большая ель, к корням

которой приносили шерсть животных в Егорьев день. Во второй раз, на 5 мая, устраивали «праздничную иллюминацию» из свечей, которые использовали во время обхода скота при первом выгоне [12: 97]. Интересно, что бывшее кладбище превратилось в место жертвоприношения «скотным богам», на самом же деле покровские и егорьевские обряды, скорее всего, были направлены на умиловление захороненных в этом месте предков, от которых полностью зависела удача в хозяйственных делах.

Рис. 2. Старое кладбище в д. Пюёриттая (Суйстамо). Приладожская Карелия. Фото А. Хирсъярви, 1935 год. Museovirasto KK1899:195

Figure 2. Old cemetery in the village of Pyörittaja (Suistamo). Ladoga Karelia. Photo by A. Hirsjärvi, 1935. Museovirasto KK1899:195

Помимо елей в регионе были известны также жертвенные сосны, березы, рябины, иногда выделяющийся своими размерами можжевельник. В изданном в конце XIX века путевом дневнике «Картинки из Пограничной (Приладожской) Карелии» О. А. Форсстрём рассказывает, что по обе стороны границы можно встретить

«в лесных деревьях почитаемые деревья, которые народ называет “риштапуу” (крестовые деревья. – А. К.). Это жертвенные сосны былых времен, и около них еще и сегодня осуществляют всяческие жертвоприношения. Хозяйки относят туда горшочки с молоком, чтобы получить удачу в разведении скота, прикрепляют к веткам дерева пучки шерсти и льна или привязывают к ним нитки»⁸.

Такое дерево Форсстрём видел в Олонецкой Карелии, в селе Видлица:

«Это была сухостойная сосна, около километра от деревни, на обочине столбовой дороги. У жертвенной сосны поставлен крест с крышей... Все нижние ветви жертвенной сосны были обрублены топором. На земле много обломков глиняных горшков... В щели (на стволе) дерева были всунуты нитки, небольшие пучки шерсти и тому подобное»⁹.

Форсстрём побывал в Видлице в 1882 году. Данное описание интересно, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, из него следует, что общедеревенским жертвенным деревом было *карсикко*, во-вторых, это хороший пример для объяснения того, откуда взялись шерсть, лен и другие подношения в часовнях, да и само начало часовни (деревянный крест под крышей) находится тут же, под деревом. Многие свидетельства как относительно жертвенных рощ, так и отдельных жертвенных деревьев на территории Карелии и на более восточных территориях вплоть до Урала подтверждают, что жертвенные деревья при ближайшем рассмотрении оказываются деревьями-карсикко, то есть особым образом обрубленными или отмеченными другим способом деревьями-знаками [3], [5].

Здесь нельзя не вспомнить о самой знаменитой сосне в Карелии – сосне Рокаччу на могиле полумифического героя шведских войн, богатыря и колдуна Ивана Рокаччу на кладбище деревни Тикша Муезерского района. Первое краткое описание могилы дается финским архитектором Юрье Блумстедтом в журнале «Финский Музей» в 1895 году¹⁰ [9: 22–24]. В статье упоминается, в частности, бревенчатый сруб по периметру большого могильного холма, каменная куча на нем и три старых сосны, растущих на могиле. Из них до нашего времени сохранилось одно дерево, ствол которого в 1990-е годы был обвязан длинными отрезами белой материи и лоскутами ткани. В корнях дерева обнаружилось скопление монет и мелких бумажных денег разных лет (описание см.: [3: Приложение 64], [11: 117]). В последние десятилетия на сосне Рокаччу все больше обнаруживалось предметов одежды – приношений сосне от страждущих (обычно на сосну вешали части одежды, которые закрывали больное место: ноги – носки, руки – варежки и пр.), таким образом, сосна все более стала выполнять функцию обетного дерева при болезнях (рис. 3).

«Если около дома растет старое дерево – у моей бабушки растет в конце участка большая бородавчатая береза, а у нас большая раскидистая сосна, – рассказывала финскому собирателю Самули Паулахарью в 1913 году в дер. Войница Вокнаволоцкой волости одна из лучших знатоков севернкарельской традиционной культуры Анни Лехтонен (1886–1943), – и его срубить, то в доме умрет кто-нибудь из старших... У нас в деревне, на острове росли большие осины. Их запрещали рубить. Одна женщина их из гордости срубила. После того у нее сгорел дом, а она сама болела долго, да так и умерла. Их называли “садовыми деревьями”»¹¹.

В районе г. Сортавала еще в начале XX века во многих деревенских дворах оставались особые деревья, которых никогда не рубили и вообще

Рис. 3. Сосна Рокаччу, ствол которой полностью обвешан приношениями из текстиля. Деревня Тикша, Муезерский район РК. Фото А. Конкка, 1990 год

Figure 3. The Rokachchu pine tree with its trunk completely covered with textile offerings. The village of Tiksha, Muezersky District, Republic of Karelia. Photo by A. Konkka, 1990

не трогали. Их называли «домашними», «усадебными» и «родовыми». Это могли быть ели, сосны и березы, последние тоже были популярны в качестве «семейного дерева». Как правило, хозяин сажал их на своих землях сразу после постройки первого дома. Были также деревья, которые сажали после рождения детей (именные или личные)¹². В 1884 году в деревне Раямяля Салминской волости в Приладожье был записан текст под названием «Молитва у корней дерева», в котором обращаются к «чистому дереву» и его «хозяевам и хозяйкам», «попам и попадьям», «дьякам и дьяконицам», «пономарям и пономарицам», «казакам и казачихам» и т. д. (перечисляя всех, чтобы не забыть ненароком никого из духов, которые, возможно, имеют отношение к этому дереву) с просьбой дарования «здоровья и покоя» и освобождения от болей и просят их «следить и сторожить» (чтобы болезнь не пристала к человеку снова)¹³. Во многих местах деревьям жертвовали молоко (особенно молозиво после отела коровы), выливали под корни первую кровь первого забитого осенью животного и приносили чашку мясного супа, сваренного из этого мяса. Большая часть сохранившихся сведений говорит об особой связи жертвенного дерева с домашним скотом. В трех томах «Финской скотоводческой магии» (сборник полевых записей,

вышедший в 30-е годы прошлого века) имеется довольно много записей об использовании молозива – первого молока от коровы после отела.

Так, в финской Южной Карелии в округе Париккала молозиво (*juustomaito*) готовили в печи в глиняном горшке. Когда оно было готово, его нельзя было трогать, пока часть от него не отнесут духу земли (*maahinen*), к корням святого дерева¹⁴. В Северном Саво в приходе Пиелавеси первыми причащались к молозиву члены родового коллектива: «Говорят, что у жителей этих мест некогда было обыкновением ходить есть молозиво под жертвенную ель, прежде чем его давали другим»¹⁵. А в Северной Карелии (приход Китее) молозиво относили «носу леса» (*metsännenälle* – в данном случае персонифицированное название болезни) в корни ели, потому что ель – «старшее из деревьев»¹⁶. В Пиелавеси, в деревне Ваарислахти была когда-то жертвенная ель, которая выросла, по преданию, на месте печи в рыбной избе мифических великанов. Когда корова телилась, то жертвовали этой ели первую порцию молозива (*juusto*), да еще порцию первого мясного супа, который варили сразу после закалывания какого-либо домашнего скота, относили в жертву к корням ели. Эту ель никто не трогал. Потом гроза свалила ее¹⁷.

Приведем еще несколько рассказов о жертвенных деревьях в основном из провинции Южное и частично Северное Саво, опубликованных в последней четверти XIX века (1880–1898 годы) в периодических изданиях *Savonlinna*, *Uusi Suometar* и *Uusi Kuvalehti*.

1. В приходе Рантасалми на поле деревни Ииналампи стояло жертвенное дерево, которое уже в течение некоторого времени готовы были уничтожить, но никто не решился сделать это. Один мужчина за приличное вознаграждение, наконец, срубил его, но вследствие этого поступка для него было печальным: он заболел, да так и болел 40 лет подряд.

2. В деревне Хиисмяки прихода Рантасалми между полей имеется рощица из нескольких елей, одно из которых – большое жертвенное дерево. Каждый раз, когда убивали медведя, устраивали праздник с питьем вина и поеданием медвежьего и другого мяса, пением заклинаний, а под конец череп медведя приносили к дереву и вешали на его сук. Обычно дерево было украшено девятью медвежьими черепами.

Особенно в канун Рождества, но также и в канун дня Миккели и осеннего праздника Кекри относили к корням дерева немного от всех праздничных блюд, которые, по поверьям, духи названных праздников приходили отведать. Это де-

рево не решались рубить, потому что считалось, что за этим последует что-то нехорошее, и такое мнение было всеобщим еще в 1860-е годы.

3. В тех же местах находилась еще одна ель, к которой было особое отношение и которую боялись трогать. Некий путешествующий господин предложил одному нищему за хорошие деньги свалить это дерево. Мужчина отправился к нему, но сначала стал молиться у его корней: «Не делай мне, хорошее дерево, ничего плохого, вставай против своего неприятеля, своего недруга!» Несколько раз он ударил по дереву, оно и рухнуло. Последствием было то, что господин в рядом находящемся гостевом доме испустил дух.

4. На меже поля дома Меттели в приходе Ристиина в 1874 году с незапамятных времен стоял огромных размеров можжевельник, под которым некогда проводили магические действия в канун Иванова дня. Впоследствии его считали «хозяйном домом», и никому даже не приходило в голову как-то его повредить; наоборот – хозяйки приносили ему пожертвования. Можжевельник от старости был покрыт мхом, и, по воспоминаниям отцов и дедов, он всегда был таким. В 1835 году высота его была почти 8 метров, окружность кроны около 30 метров, а окружность комля 3,3 метра, но он раздваивался почти сразу над землей на два ствола, некоторые ветви были толщиной с туловище человека. В 1874 году молния разбила можжевельник на мелкие куски¹⁸.

5. В Хирвенсалми на горе Кетунмяки (Лисья гора) стояла жертвенная ель, которой хозяйка ближайшего дома всегда что-нибудь жертвовала. Однажды безземельный сапожник Юхо Любекки съел кашу, что была под елью. Поел, а под конец пнул дерево ногой и сказал: «Пошло вон, привидение из елки!» Тут, конечно, дух рассердился и захлопнул челюсти сапожника так, что он не смог их раскрыть. Пришлось ему помучиться, пока все у него заработало.

6. В доме Сипиля в деревне Йоусниemi раньше за ригой стояла жертвенная береза, под которую было заведено на день Миккели относить баранью голову. Однажды домработница поленилась и не стала относить голову барана под дерево, а просто бросила ее в поле, сказав: «Если не сходишь сюда, господин хороший, за головой, то, значит, и не нужна». Дух пришел за головой на поле, но, рассердившись, снес заодно и половину крыши риги. Имеются и другие примеры подобного поведения деревьев.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Как мы видим из приведенных материалов, для жертвенного или почитаемого усадебного де-

рева характерно разнообразие функций. Прежде всего отметим представления о прочной связи дерева с семьей и родом, выполнения им охранительной функции, для поддержания которой необходимы были периодические жертвоприношения. Род также брал на себя обязанность выполнения определенных табу, связанных с неприкосновенностью дерева или рощи. При этом со стороны почитаемого дерева или природных сил, которые оно представляло, следовало неотвратимое наказание для тех, кто нарушал эту неприкосновенность или пренебрегал жертвоприношениями. Родовое жертвенное дерево могло быть частью некой более общей мифологической структуры, как то представителем духов данной местности, духов земли или духов леса, медиатором между человеческим и потусто-

ронным мирами (духи, предки, святые, мифологические персонажи, ср. Пеллервойнен), могло оказаться деревом-знаком, то есть карсикко, на котором в некоторых случаях вырезали историю рода – родовые знаки (клейма) умерших родственников [3: 13, 138, 141, 159 и др.]. Жертвенное дерево могло быть частью ритуала медвежьего праздника, на которое, в качестве последнего обрядового действия, вывешивались головы и кости медведя для его вторичного возрождения. Общественное жертвенное дерево могло оказаться на кладбище или на могиле легендарного персонажа, становясь обетным («заветным») деревом. Несомненно, мы представили далеко не все сведения, и при расширении ареала исследования появятся новые связи и новые функции, дополняющие картину мира жителя северных лесов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Код доступа: <http://fi.wikipedia.org/wiki/Hiisi>
- ² Holmberg U. Suomalaisten karsikoista // Kalevalaseuran vuosikirja 4. Helsinki: SKS, 1924. S. 71.
- ³ Suomalaisen kirjallisuuden seura (далее SKS), H. Helminen, 1488, Jankajarvi, 1943.
- ⁴ Hautala J. Vanhat merkkipäivät. Mänttä, 1983, 186.
- ⁵ Suomen kansan vanhat runot (далее SKVR) I, 4, 1981, Кимасозеро.
- ⁶ Suomen kansan muinaisia taikoja (далее SKMT) III, 227.
- ⁷ SKS, Holmberg, 584, 588. В тексте SKVR VII, 4, 2786 из Суйстамо привязывание лент к Покровской ели объясняется стремлением к избавлению от головной боли, что кажется более логичным.
- ⁸ Forsström O. A. Kuvia Raja-Karjalasta. Helsinki, 1894. S. 69.
- ⁹ Там же. S. 70.
- ¹⁰ Blomstedt Y. Venäjän Karjalan kalmistoista ja hautapylväistä // Suomen Museo. 1895. № 3-4. S. 22–24.
- ¹¹ SKS, Paulaharju, 5862, Vuonninen, 1913.
- ¹² SKS, PK 29, 5348, Moilanen M. Sortavalan mlk.
- ¹³ SKVR VII, 4, 2782, Salmi.
- ¹⁴ SKMT IV, 1, s. 135–136, Pajari.
- ¹⁵ SKMT IV, 3, s. 1435, Pielavesi.
- ¹⁶ Там же. S. 1436.
- ¹⁷ Там же. S. 1435.
- ¹⁸ Подобного рода «священный» можжевельник с тремя поклонными крестами и голбцами с «крышей» на Кенозере еще в 80-е годы стоял у деревни Телицино (фото: [6: 257]). Почитание можжевельника и отдельных можжевеловых деревьев известно также у эстонцев, сето, вепсов, карел и коми [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019. 656 с.
2. Алексеенко Е. А. Культы у кетов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.): Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXIII. Л., 1977. С. 29–65.
3. Конкка А. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск, 2013. 286 с.
4. Конкка А. П. Можжевеловые кресты и магическая развилка: семантика и ритуальная практика // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 95–113.
5. Конкка А. П. Сообщение К. Х. Хорнборга 1886 года о саволакских жертвенных рощах – «карсикко» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 7, Т. 1. С. 19–22.
6. Культурный ландшафт как объект наследия. СПб., 2004. 620 с.
7. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2014.
8. Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века: Сборник музея антропологии и этнографии XXVII. Л., 1971. С. 211–238.
9. Naavio M. Esseitä kansanrunoudesta. Jyväskylä: SKS, 1992. 384 s.
10. Narva U. Suomalaisten muinaisusko. Helsinki, 1948. 519 s.
11. Konkka A. Kuusi kultalattu. Pohjoisen Suomen karsikoista // Kalevalaseuran Vuosikirja 77–78. Helsinki: SKS, 1999. S. 112–139.

12. Mansikka V. J. Karjalais-inkeriläisiä pyhimyksiä ja juhlapäiviä // *Virittäjä*. 1941. № 45. S. 97–105; 289–300.

Поступила в редакцию 10.12.2024; принята к публикации 30.09.2025

Original article

Aleksey P. Konkka, Cand. Sc. (History), Senior Researcher,
Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research
Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk,
Russian Federation)
konkka49@mail.ru

SACRIFICIAL AND REVERED TREES OF THE KARELIAN-FINNISH BORDER REGION (a study of materials dating to the late XIX century)

Abstract. Revered trees and trees to which sacrifices are offered have been known from ancient times among different peoples. The most ancient “holy places” looked like a landscape of stones, water (i. e., a spring, stream or the shore of a water reservoir), and trees. Since the Middle Ages, on the shores of the Gulf of Finland, the Finns and Estonians had the sacrificial groves of *hiisi*. These were fenced areas of the forest where public sacrifices took place. Researchers are of the opinion that the *hiisi* were the centers of settlement complexes. Uno Holmberg-Harva suggests that the single revered trees near the dwelling houses that survived until the XX century are the remains of ancient groves similar to *hiisi*. However, this issue remains controversial to this day, so one of the objectives of this article is to introduce existing materials on this topic into scientific circulation (especially for the Russian-speaking audience). In Karelian villages on the border of Russia and Finland, back in the second half of the XIX century, there were sacrificial fir-trees, on the condition of which the welfare, health, and the very life of a family and clan members depended. Therefore, family members were to sacrifice to the trees (bring to the roots) part of all the food supplies that appeared in the house, as well as to treat the “spirit-owner of the tree” with food from the festive table. In addition to fir-trees, sacrificial pines, birches, mountain ash, and junipers were also known as sacrificial trees in the region. In many places, people sacrificed to them the first milk after calving a cow, poured the first blood of an animal slaughtered in autumn under the roots or brought them a cup of meat soup. All this suggests that there existed some special connection between sacrificial trees and livestock. The main function of the family tree was to protect not only the clan members, but the entire household economy. The tree acted as a representative of deceased relatives (the ancestors of the family) or natural forces (the spirits of forest and earth).

Key words: sacrificial and revered trees, sacred groves, connection between tree and family, clan, ancestors, and personalized holidays

Acknowledgements. The research was funded from the federal budget as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Konkka, A. P. Sacrificial and revered trees of the Karelian-Finnish border region (a study of materials dating to the late XIX century). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):99–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1255

REFERENCES

1. Agapkina, T. A. Trees in the Slavic folk tradition: Essays. Moscow, 2019. 656 p. (In Russ.)
2. Alekseenko, E. A. Cults of the Kets. *Cultural monuments of the peoples of Siberia and the North (second half of the XIX century – early XX century): Collected papers of the Russian Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol. XXXIII. Leningrad, 1977. P. 29–65. (In Russ.)
3. Konkka, A. Karsikko: trees-signs in the rituals and beliefs of the Baltic-Finnish peoples. Petrozavodsk, 2013. 286 p. (In Russ.)
4. Konkka, A. P. Juniper crosses and the magical fork: semantics and ritual practice. *Ethnographic Review*. 2020;1:95–113. (In Russ.)
5. Konkka, A. P. The 1886 report by K. H. Hornborg about “karsikko”, Savolaki sacrificial groves. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2011;7(1):19–22. (In Russ.)
6. Cultural landscape as a heritage site. St. Petersburg, 2004. 620 p. (In Russ.)
7. Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: In 5 vols. (N. I. Tolstoy, Ed.). Moscow, 1995–2014. (In Russ.)
8. Sokolova, Z. P. Remnants of religious beliefs among the Ob Ugrians. *Religious beliefs and rituals of the peoples of Siberia in the XIX and the early XX centuries: Collected papers of the Russian Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol. XXVII. Leningrad, 1971. P. 211–238. (In Russ.)
9. Haavio, M. *Esseitä kansanrunoudesta*. Jyväskylä, 1992. 384 p.
10. Harva, U. *Suomalaisten muinaisusko*. Helsinki, 1948. 519 p.
11. Konkka, A. Kuusi kultalatva. Pohjoisen Suomen karsikoista. *Kalevalaseuran Vuosikirja*. 1999;77–78:112–139.
12. Mansikka, V. J. Karjalais-inkeriläisiä pyhimyksiä ja juhlapäiviä. *Virittäjä*. 1941;45:97–105,289–300.

Received: 10 December 2024; accepted: 30 September 2025